

БИЛИ УЧИТЕЛЬНИЦУ...

Александр Мурашов, профессор Гродненского университета, главный редактор журнала «Воспитание в школе»

Россия слышит порой неожиданные новости, которые ошеломляют даже издавших виды педагогов и журналистов. Вот и в сегодняшнем праздничном номере мы публикуем материал о том, как подростки одной из школ Иркутской области «поздравили» свою наставницу. Или — «повели диалог». Уверенные, что ведут его (диалог) и себя вполне подобающим образом, они... били свою пожилую учительницу, заявлявшую, что без школы для неё жизни нет. Эти ребята — тоже нынешние реалии. И об этом будем говорить в этом номере, который, увы, получается не вполне праздничным...

В Интернете — призыв: «Создай свою банду и стань самым успешным бандитом!». Рядом: «Сражайся, грабь, побеждай!». И подобные, среди которых мелькает в информационном блоке презрительно-ироничный анонс фильма: «Алексей Чадов стал ботаном». Достаточно полно и красноречиво — о том, что поощряется, к чему должен человек изо всех сил стремиться, — и о том, от чего надо шархаться, как чёрт от ладана. «Ботанеть» — заведомо непрестижное и социально отвергаемое. Быть бандитом и грабить — интересно, почётно, и... просто круто! Блин!

Били учительницу...

Учиться в школе — это и значит, выражаясь языком современных кукловодов, «ботанеть». Здесь — отношение к школе. И к той самой учительнице. Отношение к нам с вами, пытающимся закрыть дорогу тем, кто превращает Россию в зону. Безмыслия, безверия, и про-

сто — в зону. Внушающую ребятам, что «быть бандитом», «грабить» — единственно достойное поведение. Если бы такие «внушения» появились «за бугром», — призывающих «стать бандитом» сочли бы, минимум, повредившими себя в рассудке.

И вот новостные каналы в конце марта сообщили об учениках из Иркутской области, которые несколько недель... избивали учительницу физкультуры, причём делали это открыто, делясь видеосъёмками «подвигов» со всей интернет-аудиторией. «Школа № 1 целых 3 месяца обсуждала жуткие съёмки. Ролик переходил от ученика к ученику, его перекачивали с одного мобильного телефона на другой, а затем снималось новое видео. Сколько раз таким зверским издевательствам подвергалась учительница, сейчас сказать никто не может. Даже она сама: Валентина Леонидова страдает частичной амнезией, у неё склероз. Она утром, как ни в чём не бывало вставала и шла на уроки. Чаще всего эти чудовищные издевательства происходили в субботу, когда на занятие, как правило, являлся не весь класс, а лишь несколько парней. Они и развлекались

подобным образом». (Сегодня. Ру, 26 марта 2010, И. Антонова.) Отмазка тинейджеров проста, как пять копеек: учительница — старенькая, с памятью плохо, а они просто развлекались. Интернет-форумы раскались от негодования: «отморозки!», «уроды!». Было даже «классическая педофилия» (если всякая — филия — это чувственная любовь, то кто кого там любил так страстно: та, которую использовали вместо мяча, или же 15-летние «Пеле»?). Была и «геронтофилия» (значит, «любили» всё-таки благодарные потомки, решив загасить, откоцать и по-свойски отрихтовать наставницу!). Можно сказать, что это приговор родителям: в «гасилове» участвовали четверо парней, их родителям и отвечать: те уже начали это делать по своей логике, подав в суд... на избитую их отпрысками учительницу. А это — приговор гораздо более страшный — всему порядку вещей, всей пропаганде «патриотизма по-новому», настоящему на ароматах заокеанских вилл и сивушном перегаре обездоленных, на оксфордских экзерцициях для одних и «грабь!» для других. И то, и другое неминуемо должны были отрикошетить — в куршевельских скандалах, после которых у западных туристических агентств родилась услуга «отдых без русских», или в «мочиловах», в равной мере характеризующих всех нас.

Били учительницу...

Подростки, делавшие это длительное время (она страдала склерозом и забывала случившееся), снимали «подвиги» на камеру мобильного и выложили «видеоотчёт» в Интернете — вот и приговор общественному строю. Когда преступник, понимая, что он преступник, идёт «на дело», ему в голову не пришло бы снимать, как он вонзает нож в зазевавшегося противника, как возится с отмычками, пытаясь вломиться в чей-то дом, как трясущимися от возбуждения руками он хватает охапки денег, спрятанных хозяевами. Он понимает: он преступник, и улики ни к чему. Детки, наоборот, снимали всё в подробностях. И показывали всем в качестве пособия для балдежа, снабдив кадры музыкальным фоном. Просто они были уверены, что так — надо. Что это не запредельная мерзость, а способ вполне естественного «развлечения»

(их собственное слово). И это уже не еле уловимые шаги «татей в нощи», это — поколение спокойно и уверенно демонстрирует те ценности и приоритеты, к которым его приучили взрослые, то играющие в демократическую чехарду, то заявляющие, наморщив нос, что «мочить в сортире» — дело, вполне достойное здравомыслящего человека. То же — создать свою банду. Или грабить. Лишь бы не «ботанели»: ещё поумнеют и разберутся, что к чему...

Новое поколение нередко может оценить созданное предками лишь тогда, когда разрушит его и с большим трудом начнёт восстанавливать.

В. Швель

Били учительницу. И видели себя героями, достойными если не фильма, то видеоролика.

А забив на школу, видели бы себя, согласно полученным инструкциям, «самыми успешными бандитами», что куда круче, чем перспектива очкастых ботанов!

Было бы странно, если бы этого не произошло в стране, прожившей два десятка лет самой отчаянной, не на жизнь, а на смерть, борьбы с образованием, когда по разметанным страницам прежних учебников сначала прыгала разношёрстная рать гопников, а потом прошествовали зловещим маршем воспитанные «по-новому» подростки, деяния которых и не снились самым отчаянным головам из «Гитлерюгенда»!

Было бы удивительно, если бы подростки, воспитанные на призывах «стать успешным бандитом», принялись «ботанеть», в духе героя того самого Алексея Чадова, и смотреть на школу не с брезгливым омерзением, как на неизбежность, отрывающую от настоящих, достойных молодого человека дел.

Было бы непонятно, если бы там, где фигуриста после победы спрашивают,

часто ли он... дрался, а он, виновато пряча глаза, отвечает, что нет, не часто, — где пиарщики из СМИ оставили человеку только возможность «подрасться и надрасться», — если бы там дети оставались детьми, а учителя — учителями.

Били учительницу...

«Вот она, нынешняя Россия!» — резюмирует один из участников интернет-форума. И кто сможет возразить, даже если бы очень-очень хотел списать всё на непри-

Каждое поколение считает себя более умным, чем предыдущее, и более мудрым, чем последующее.

Дж. Оруэлл

язнь четырёх малолетних школяров к одной престарелой учительнице? Списать можно бы, не выведи они в Интернете кадры своего «геройства» в полной уверенности, что только так и должно быть! Можно бы, начали они потом, захлёбываясь от возмущения, показывать свои раны и ссадины, полученные на её уроках. Нет: они «развлекались», о чём говорят сами. Такими их воспитали, такими сформировали в стране, где «быть бандитом» означает быть успешным, а «ботанеть», то есть учиться в школе, — прямая дорога к общественному остракизму и безысходной нищете. И если об этом в очередной раз промолчать, трусливо затягивая филиппики в адрес родителей и администрации школы, — очень скоро поймём: случай в Иркутской области — не конец. А начало — в результате этого нашего общего безмолвия и размахивания кулаками после драки.

Кто ненавидит войну, —
Тот в плену! —

голосом, не допускающим вариантов, натужно басит плеер. А радио «Шансон», выжимая слезу у подвыпивших представителей камуфлированной «элиты», всхлипывает про солдата, застрелившего похотливо-го майора:

А молодой солдат на зоне,
Да на родимой стороне...

Вот так, не больше и не меньше: на зоне — значит, «на родимой стороне». Дома. Закономерное сближение: каждый должен проследовать по пути, по которому прошёл хозяин: от «комка» и примитивного рэкета до серьёзного кресла и нехилых «откатов», после которых можно, потирая руки, как после удачной сделки, поверить в неизбежность пройденного пути, неизбежность своего кресла и неповторимость изрядно потяжелевшей натуры...

На полке в магазине виднеется книга в глянцево переплёте: «Как в сексе оказаться на уровне порнозвёзды». А вот из метро выходит подросток и сует тяжёлый пакет девчонке, своей спутнице: «Ты баба, и неси, а мужики сумок не таскают». И вот уже «правильные пацанки», чтобы не быть «в плену» и достичь уровня «мужиков», корёжат электрички, а «настоящие», нахлеставшись «пива с мужским характером», мочат по пьяни «не-своего» — ну, не из корешей он, и всё; ни «Спартак — чемпион!» проорать не может, ни просто «Хайль!». Вечером по телевизору известный телеведущий откровенничает на всю страну о том, что у них в армии «деды хорошими были, сильно не били, только если заслужил, то получай!».

Станция метро — уже внизу. Толпа испитых и безнаказанных хулиганов, сметая тех, кто не успел отбежать в паническом ужасе перед их шествием, орёт, размахивая трёхцветным полотнищем: «Россия, вперёд!» Кто-то из отбежавших к стене восторженно вздыхает:

— *Патриоты! Вот такие нужны!*
— *Кому нужны? — интересуюсь.*

Вопрос, естественно, без ответа: не знает он тех, кому. Так без ответа остаётся и вопрос, почему «патриотами» здесь гордо именуют тех, кого в остальном мире считают просто пьяным сбродом, и почему испитость, немытость и небритость превращаются в «мужской характер», стоит

махнуть тем самым полотнищем, особенно не задумываясь об отвращении, которое вызывает оно в этих руках, и не только у иностранцев.

Интернет приносит бесстрастные сообщения...

«31 октября 2009 года погромами и массовой дракой завершился футбольный матч на Центральном стадионе Казани, где встречались местный «Рубин» и самарские «Крылья Советов». Проигрыш со счётом 4:1 расстроил самарских болельщиков, и они начали крушить трибуну».

27 марта 2010 года «в первом вагоне электрички сообщением Москва—Тверь произошёл конфликт между двумя группами молодых людей, предположительно, болельщиками «Зенита» и местными хулиганами, который перерос в массовую драку», — сообщила ИТАР-ТАСС руководитель пресс-службы Московского УВД на железнодорожном транспорте МВД России Татьяна Агапова. По её словам, молодые люди практически полностью разгромили вагон, в общей сложности дрались около 50 человек».

«Кажется, мы стесняемся называть вещи своими именами: наши стадионы оккупируют хамоватые недоросли, а семейные болельщики вынуждены покупать спутниковые тарелки и смотреть футбол дома. В ходе матча в Химках на трибунах появлялись омерзительные баннеры, резали слух матерные кричалки, на поле летели петарды. Увы, уже привычная картина...» (29.03.2010 | Советский спорт)

Интересно, что и «болельщики», устраивающие погромы и разборки, считают себя болельщиками — без кавычек, серьёзно уверенные, что в спорте они — главные фигуры. Как и своё «развлечение» шелеховские тинейджеры тоже считали банальным развлечением — без кавычек.

Били учительницу?..

Мы шли к этому. То, чем гордились подростки в Шелехове, помещая в Интернете кадры, где они избивают пожилую учительницу, возникло не сразу и не вдруг, а в результате целенаправленной пропаганды, жертвы которой, уверенные в своём героизме, как и те бухие фанаты, не подозревают, что они — жертвы.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

Спрашиваю студента:

— А вы не можете не материться, скажем, на протяжении одной фразы?

— Конечно! Я же на зачёте не ругаюсь! — серьёзно отвечает он.

— А со своими?

— Это с друзьями? Они же засмеют! Я что, голубой?

Многое этим сказано! «Баня, водка, гармонь и лосось». И футбол — для разнообразия. А в плеере — ещё один нынешний шедевр — «музыка для мужика». Между прочим, когда молодые люди уверены, что русский язык, не одобренный матюгами, и русская тусовка, не разбавленная водярой, — «для голубых», — с этим ещё можно побороться, даже без танков, которые «грязи не боятся», и без разрисованной а-ля камуфляж физиономии. Можно бороться даже за тех учеников из Шелехова, которые волочат по полу престарелую учительницу: всё-таки есть надежда... Но когда они, сняв «гасилово» на камеру, демонстрируют это всем как торжество жизненных ценностей, усвоенных ими, — всякая борьба, похоже, уже бессмысленна. Ребятам просто вбивалось в голову, что это — достойно, что это — заведённый и естественный порядок вещей.

Им вбивало эту идею радио, знакомым хриловатым голосом тянувшее: «Опять я сижу на нарах, в грязных, вонючих шкарах».

Вбивал Интернет, призывающий «создать свою банду».

Вбивал тот самый киоск у вокзала, что когда-то продавал «пироженое», как там было написано, а потом, облимившись, сменил фанерную вывеску на роскошное: «Мороженное». И эфир, где нет голоса Левитана или торжественного изящества Леонтьевой: в «прямом эфире» ведущие натужным

ржанием над чем-то неизвестным пытаются задержать слушателя, а он, услышав знакомые позывные, бежит отмывать руки, предвкушая очередные «вонючие шкары». Кстати, недавно над улицей болталась растяжка, призывавшая покупать «нежелые помещения», — как раз тогда, когда знакомый предприниматель, отправившись к градоначальнику, услышал: «Тебе вход в мой кабинет стоит сто тысяч зелёных». И зачем ботанеть, если отсидел своё в тех самых «шкарах» — и гроби бабло лопатой?

Когда, отсидев на «нарах», в России пришли к власти новые «собственники» и «хозяева», — через несколько лет молодое поколение не могло представить себе, как это — обходиться без разборок, понятий, матерщины и разводов. Зачем тратить время на что-то, кроме тусовок и «зарабатывания денег» для тех же хозяев, волю и накачанную за годы отсидки мускулатуру которых приняли как единственный закон и верную цель? При их власти востребовано воспитание тюремных рабов, до блеска вылизывающих тарелки своих хозяев и стоящих в очереди за правом выносить их теперь уже позолоченные парашаи...

Били учительницу?

А разве никто не предупреждал, что так будет?

Снимали это на мобильник?

А чего ещё можно ожидать там, где личности и обществу навязаны ценности уголовного строя, бандитского братства, воровского отмывания бабла?

Два десятка лет назад захватившая власть мелкоуголовная шпана о другом и не задумывалась. Начиная натаскивание тинейджеров, рядом с которыми «Гитлерюгенд» отдыхает, на общечеловеческие ценности, на то, что сделало человека человеком, будущие «хозяева жизни» заботились о незыблемости установленного ими порядка

на захваченной территории. И вот уже книги и музыка заменены порнографическими комиксами, ржавым грохотом «стрелялок», вторжение мата и тюремного сленга в повседневную речь стало считаться нормой. Те, кто недоучился или по иронии судьбы не сидел, осваивают матюги по словарям, старательно, с заботливостью неофитов вставляя их в речь и боясь прослыть «не-своим». Идеалами молодых людей с оскаленными волчьими, тигриными и рысьими мордами на футболках и знаками сатаны на рюкзаках (они уверены, что чернота и зло — это «круть»!) окончательно стали бандюганы, воспеваемые всеми средствами массовой информации, и спившиеся фанаты, способные дружным ревом «Россия, вперёд!» обнаружить сразу весь объём своего интеллекта. Те, кого вербуют в «патриоты», просто не умеют иного: сложившийся порядок вещей для них естественный и единственно правильный, остальное — «отстой».

Били учительницу?

Подписали приговор себе и родителям.

Решили, что это и есть норма, которую нужно демонстрировать?

Это уже приговор обществу.

Тому, которое десятки лет назад пыталось забыть, «отрываясь» под хриплый рев приклатненных песен. Тому, которое решило формировать «защитников», не умеющих писать и не понимающих, зачем это нужно, — безмысленное и беспощадное ордынцев и полицаев. Тому, которому в школьные годы дали понять, что выживает — сильнейший, что путь надо пробивать локтями, кулаками и монтировками, что людей вообще слишком много. Их слишком много.

«Нас не догонишь»?

Собака бывает кусачей только от жизни собачьей!

Вот их сначала и не кормили досыта, чтобы громче лаяли, накачивали пивом и сивухой, чтобы залить всякую мысль и утопить всякое несогласие. Не учли только: ответ будет таким же яростным, как «наука». Их сделали другими людьми, которых не всегда можно понять. Вот один, встречая при поступлении на работу вопрос: «Что вы будете делать, если хозяин плюнет вам в лицо?» — начинает соображать, как ответить, чтобы... всё-таки оказаться на этой работе! А другой, воспитанный абсолютно так же, волочит учительницу по полу, вполне готовый применить нимб победителя: ему просто не сказали, что его ждёт слава дикаря, и просто не дали понять, что это — позор, а не геройство.

Били учительницу?

И это — норма, которую надо запечатлеть и показывать всем, чтобы учились?

А может, замять, забыть и не париться? Бывает... В конечном итоге, урод в семье всегда отыщется, а сор выносить из избы — последнее дело. Россия — страна свободных людей, не скованных идеологическими доктринами и не вздрагивающих при мысли о неизбежности ядерного взрыва. У нас не продают джинсы только за чудом добытую валюту, солнцезащитные очки — только фарцовщики в туалете, а презервативы — только «для ветеранов». У нас есть возможность участвовать в диалоге с президентом, для коего штат журналистов не сочиняет тирады про Малую землю, которые, ещё не появившись из типографии, объявляются классикой. В России не ждут с ночным визитом чекистов и не слушают под одеялом западные голоса... Да и сам человек стал раскованнее, смелее, увереннее.

Разумеется, стал. И смелее, и увереннее. Только нынешнее молодое поколение, готовое натужно, попадая «в тон», хихикать при словах «русский балет», презрительно цедить что-то, услышав про Мусоргского или Репина, для которого быть бандитом — путь к успеху, а оказаться художником или учёным — тропа на задворки, — способно прославить себя лишь тем, что — били учительницу... А между тем название, скажем, Италии тут же воскрешает в памяти имена

Данте, Леонардо, Бернини. Символы Франции в разные эпохи — Бальзак и Мериме, Эйфель и Мирей Матье. Да и Россию мир будет узнавать (впрочем, сегодня актуален вопрос, будет ли) по Брюллову, Пушкину и Рахманинову, а не по пивным рекламным молодцам, заваренным в латы для водонепроницаемости, и не по «пацанкам» из клипов, воспевающих убийство и насилие как апофеоз человеческой цивилизации.

Будут узнавать по Родниной и Алфёрову, а не по героям сериала «Школа», подготовившего не одно Шелехово и остающегося позором, а не достижением кинематографа в стране Бондарчука и Рязанова.

Планета людей прошла долгий и непростой путь от кусков сырого мяса в пещере до «Джоконды», от первобытного тотемизма до концертных залов и компьютеров. Человек с течением времени становился интеллигентнее, то есть больше работал головой. Но становился, увы, и слабее физически — по этому показателю первобытные предки едва ли не превосходили нынешних тяжелоатлетов. И сегодняшняя Россия, где подростки воспринимают агрессивный рев и порнуху как единственно достойное человека, — всё ближе к званию «рабочей окраины» мирового сообщества, делающего всё, чтобы от этой самой агрессивности и животной похотливости, напоминающей о давно покинутой человеком пещере, избавиться. Только это избавление позволяет создавать сверхвысокие небоскрёбы, мчаться на сверхскоростных поездах и работать на сверхточной технике.

Куль агрессивности — беда современной России, долгие века вынужденной

Чем дальше шагает цивилизация, тем больше каждое поколение должно опасаться последующего, так как ошибки, которые то допустит, будут значительно хуже тех, которые допущены им самим.

В. Швобель

обороняться от соседей, а получается, что и от цивилизации. Но тем не менее СССР рухнул когда-то из-за чересчур сильной армии при чересчур скромных прилавках.

Броня крепка? — Но она в одночасье развернулась против создателей.

И танки наши быстры? — Но из них-то и палили по Белому Дому, защищая таким своеобразным манером молодую демократию с лицом Ельцина, мозгами Чёрномырдина

Не будь дети в то же время и наследниками, они, вероятно, больше дорожили бы родителями, а родители — ими.

Ж. Лабрюйер

и совестью Грачева. Но тогда изголодавшаяся и истоявшаяся в очередях страна жаждала другой жизни, другого строя. Броня и танки уже никого ни защитить, ни привлечь не могли.

А сегодня — ситуация, когда одичание, выдаваемое за цивилизаторские усилия, стало жизненным принципом всей этой орущей, пьющей, фанатеющей и оставляющей после себя лужи (и кучи, как её кумиры) братии, серьёзно уверенной, что жить надо именно так, как живёт она. Что быть патриотом — значит орать «Россия, вперёд!» перед тем, как выбить стекла в вагоне электрички. Что быть «настоящим» — значит каждое слово приправлять матерной добавкой и облить настоем лагерной сивухи. Вот такие «настоящие», плоть от плоти воспитанного уголовниками общества, вышли в Шелехове на «тропу войны».

Били учительницу!

Это били по всей нашей культуре, создававшейся веками. Били прицельно. Наотмашь. Не мальчишки: много чести. И не их родители — сами слабые и безвольные люди, не имеющие сил противостоять зомбирующей вакханалии, которая превращает людей в безразлично попискивающих самцов и самок, ждущих очереди совершить свой геройский поступок у тюремной параша. Били — те, кто подготовил нынешнее массовое бегство из

концертных залов, из музеев и библиотек, становящихся забегаловками и игорными домами. Били — рычащие о «братстве» хозяева жизни, в сравнении с которыми щедринские генералы, не разучившиеся читать и говорить по-русски, — что-то вроде цивилизационного недуга в одичавшей земле.

Били учительницу!!!

Задумаемся, что с нами со всеми сделали. Крепко задумаемся. Если так будет и дальше, — нашей силы в конце концов хватит лишь на то, чтобы неведомо где неведомо для кого качать нефть, нашей славы — лишь на пьяное «Спартак — чемпион!», нашего мужества — только на то, чтобы с упоением любоваться, как на экране гоняют мяч и, рыгая пивными парами, думать о предстоящих развлечениях в постели.

И даже если одумаемся сразу, понимая, что на нехитрый мобильник шелеховского мальчишки снимали всех нас, корчащихся в предродовых муках зомбированного восторга, — придётся долго, очень долго учиться говорить по-русски и думать по-человечески. Не гарантия, что научимся. Но мы не одумаемся никогда, если победное шествие «цивилизаторов» с пивными банками, рыкающими «стрелялками» и накачанными в тупом безмыслии бицепсами не остановить и не призвать наконец человека стать человеком, страну — страной, а не камерой, где растят «братков».

А что это значит — стать человеком?
И где он, человек?

Там, где учителей уважают, а не презирают, вбивая, что надо «стать успешным бандитом», а не «ботанеть» в школе.

Там, где бандиты сидят в тюрьме, а не в высоких кабинетах; где получают уроки жизни, а не учат жить.

Там, где милиция защищает людей, а не внушает им страх, куда более сильный, чем все бандиты вместе взятые, устраивая то стрельбы в магазинах, то «живые щиты» на дорогах.

Пока же в нашей стране и в нашей школе всё, как в странном зазеркалье.

Тут били учительницу. Тут осуждённый превращается в судью, кулак — в средство общения, а тот, кому не было дано ни ума, ни храбрости, ни мало-мальских знаний, — воспринимается как герой, знающий всё обо всём и хрипящий уверенно: «Кто ненавидит войну — тот в плену!»

Тут отринуть совесть — значит избавиться от сковывающих пут и выбиться вперёд; забыть о человеке в себе — значит выжить, а избить пожилую женщину — верный шаг к геройству. Сохранить этот шаг на видео и показывать тем, кто ещё не успел его сделать, — и означает оказаться наставником «правильных».

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

Тут хорошо говорит именно тот, у кого за матом и жаргоном давно исчезли последние промельки языка. Тут социализирует и объединяет именно то, что в остальном мире считается асоциальным и противоречащим человеку и человечеству, а «цивилизованным» считается одичание до животного уровня.

Когда не брать взятки — «дурной тон» среди чиновников; соблюдать законы — значит быть ущербным; не материться и не бухать — признак «голубого» или психа, — по-другому с учителями и обращаться нельзя! Когда быть бандитом — высшая доблесть, быть художником — позор, не имеющий искупления, а талант детей воспринимается матерями как страшное проклятие, обрекающее на голодную смерть, одиночество или бегство, — «били учительницу» звучит вполне обыденно. Мы к этому шли. И вот пришли. Точка. **В.Ш**